

– ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС –

УДК 821.512.157-31 Куорсуннаах

DOI 10.25587/litteraesvf.2023.11.57.001

Функционирование литературных аллюзий и реминисценций в романе Е. Слепцовой-Куорсуннаах «Вселенская буря»

А. А. Бурцев, М. А. Бурцева

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ anatoly_burtsev44@mail.ru

Аннотация. Роман Е. Слепцовой-Куорсуннаах «Вселенская буря», посвященный трагическим судьбам национальной интеллигенции, анализируется в предлагаемой статье с точки зрения художественной специфики. По жанровой природе это синтетическое произведение, сочетающее черты романа эпопейного типа с семейной хроникой, имеющей документальную основу. Хотя повествование в романе строится вокруг клана Оросиных, его отличительной особенностью является изображение сложной полифонии индивидуальных судеб и характеров, которые не сливаются в единую массу, а порождают реальное многообразие. Так, крупным планом возникают образы таких исторических фигур, как В. В. Никифоров-Кюлюмнюр, А. И. Софронов-Алампа, П. А. Ойунский, В. Д. Давыдова. Изображение реальных перипетий их частной жизни не только подтверждает романский характер произведения Куорсуннаах, но и свидетельствует о присутствии в нем черт психологической «жанровой генерализации». В этом отношении удачным представляется, как показано в статье, использование автором среди способов освоения художественного материала литературных аллюзий и реминисценций.

Ключевые слова: жанровая генерализация, документализм, эпопея, хроника, полифония характеров, inferнальный герой, литературные аллюзии и реминисценции, духоборы, национальная интеллигенция, арт-кафе «Бродячая собака».

Для цитирования: Бурцев А. А., Бурцева М. А. Функционирование литературных аллюзий и реминисценций в романе Е. Слепцовой-Куорсуннаах «Вселенская буря». Вопросы национальных литератур. 2023, No2 (10). С. 5–12. DOI: 10.25587/litteraesvf.2023.11.57.001

The functioning of literary allusions and reminiscences in the novel "The Universal Storm" by Sleptsova-Kuorsunnakh

A. A. Burtsev, M. A. Burtseva

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

✉ anatoly_burtsev44@mail.ru

Abstract. The article analyses the artistic specificity in the novel "The Universal Storm" by Elena Sleptsova-Kuorsunnakh, dedicated to the tragic fate of the Sakha intelligentsia. By its genre nature, this is a synthetic work that combines the features of an epic novel with a document-based family chronicle. Although the narrative in the novel is built around the Orosin clan, its distinctive feature is the depiction of a complex polyphony of individual destinies and characters that do not merge into a single mass, but give rise to real diversity. The article features the images of such historical figures as Vasily Nikiforov, Anepodist Sofronov, Platon Oyunsky, and Vera Davydova. The depiction of the real

vicissitudes of their private lives not only confirms the novelistic character of the Kuorsunnakh's work, but also testifies to the presence of the features of psychological "genre generalization". In this regard, as shown in the article, the use of literary allusions and reminiscences by the author among the ways of mastering the artistic material seems to be successful.

Keywords: genre generalization, documentary art, epic, chronicle, polyphony of characters, infernal hero, literary allusions and reminiscences, dukhobors, national intelligentsia, "Stray Dog" art cafe.

For citation: Burtsev A. A., Burtseva M. A. The functioning of literary allusions and reminiscences in the novel "The Universal Storm" by Sleptsova-Kuorsunnakh. *Issues of National Literature*. 2023. No. 2(10). Pp. 5–12. DOI: 10.25587/litteraesvfu.2023.11.57.001

Роман Куорсуннаах «Вселенская буря» («Аан талҕа», 2014) представляет собой сложное с художественной точки зрения произведение, хотя сразу же обращает на себя внимание его документальная основа. Прежде всего возникает проблема определения его жанровой специфики.

Вообще опыт современной мировой литературы свидетельствует о некоем типологическом процессе, который исследователи определяют понятием «жанровая генерализация». В свою очередь этот феномен предполагает процесс обобщения, перехода от единичного к общему, подчинение частных явлений единому принципу. Применительно к жанрам генерализация означает их объединение в некие группы, исходя из конкретного художественного материала и способа его освоения, в частности «принципов философствования, психологизма, морализма, историзма, биографизма, документализма и других». То есть, «соответственно возникают философская, психологическая, моралистическая, историческая, биографическая, документальная и другие жанровые генерализации» [5, с. 431-432].

Роман Куорсуннаах относится к историко-документальной генерализации. Наряду с чертами историко-документального романа, «Вселенская буря» содержит все признаки произведения эпического плана с универсальным охватом жизненных явлений. Об этом свидетельствуют его временные и пространственные координаты. Действие охватывает значительный период в истории России и Якутии с конца XIX в. до начала 1930-х гг. В романе нашли отражение события Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны в центральной России, повстанческого движения и первых лет строительства новой жизни в Якутии, перипетии сложной борьбы за установление автономии. Крупным планом изображены трагические судьбы представителей якутской интеллигенции, подвергшихся преследованиям и репрессиям.

Подлинно эпическая природа произведения сказалась в создании обобщенного образа народа из сложной полифонии индивидуальных характеров, из целой системы полнокровных художественных образов, судьбы которых, тесно переплетаясь друг с другом, смыкаются с судьбой народной. В романе действуют представители всех слоев якутского общества первых десятилетий XX в., люди разных национальностей и поколений, политических партий и взглядов.

Наконец, во «Вселенской буре» присутствуют черты семейной хроники, так как основной повествовательный план строится вокруг трагической судьбы клана Оросинных. Их изображение в частном, семейном кругу могло бы в известной степени сузить общую картину жизни, но, с одной стороны, коллективный портрет одной семьи представляет «целое общество в миниатюре». С другой же стороны, в романе представлены судьбы целого ряда других семей – Слепцовых, Давыдовых, Сивцевых, Сокольниковых, Кривошапкиных, Софроновых, Николаевых, Неустроевых.

Кроме того, в романе много других персонажей, которые отнюдь не сливаются в единую массу, а напротив, порождают реальное многообразие. Мастерство автора проявилось в том, что они глубоко индивидуализированы. Средством индивидуализации

служит изображение личностных взаимоотношений. Герои проходят через многократное испытание не только посредством их отношения к женщине, детям, природе, но и по своим идейным позициям.

Наиболее трагический удел выпал на долю семейства Михаила и Марии Оросиных. Сам Михаил Николаевич в 1929 г. был подвергнут «раскулачиванию» и решением «тройки» отправлен в ссылку в Минусинск и там умер. Его вдову Марию Афанасьевну, конфисковав все имущество, вместе с дочерью Анной и младшим сыном Мишей выставили на улицу. Недолго промышавшись без крыши над головой по чужим углам, она «пропала без вести» в родном улусе. Маленького Мишу подобрали чужие люди и определили в детский дом.

Единственная дочь Михаила Оросина Анна (Анчик) тоже сполна хлебнула горя. Когда училась в Якутске, ее, как сестру участников повстанческого движения, заставили уйти из школы. Друг юности Константин Слепцов, который ей симпатизировал, был вынужден скрываться и вскоре погиб от рук красных. К Анчик проникся было искренним чувством красный комиссар Семен Егоров, но и он погиб, попав в засаду белых повстанцев. Она же просто замерзла бы на большой дороге, если ее, едва живую, не приютили добрые люди. Ей, наконец, несказанно повезло: Анчик попала в простую якутскую семью и обрела любящего мужа, добросердечных сестру и брата. Именно ей суждено было продолжить едва не оборвавшийся род Оросиных и тем самым «выполнить свой священный долг перед великими предками»: «Аана Мэхээлэбинэ Оруһуна-Боппойоонобо эрэйдээх-муннаах олобо бу кыракый балаҕанна түмүктэммитэ. Кини толору дьоллонон, үс оҕону төрөтөн, улуу удьурдарыгар ытык изһин төлөөбүтэ» [3, с. 639].

Старший сын Оросиных Дмитрий, студент Якутского духовного училища, без всяких оснований был обвинен в участии в антисоветском заговоре, жестоко избит и безвинно погиб. Его брат Пантелеймон воспитывался у родственников, потом учился в Иркутске, работал учителем в Таттинском улусе, впоследствии жил в Якутске, служил в театре реквизитором.

Известный краевед Е. Д. Андросов, автор исторической работы «Оросины» (2000), из сыновей Михаила Николаевича и Анны Афанасьевны выделил Василия, назвав его «самым образованным, серьезным и толковым»: «Бииргэ төрөөбүттэриттэн саамай үөрэхтээхтэрэ, өй-санаа өттүнэн саамай боччумнаахтара уонна оттомноохторо ...» [4, с. 61]. Ему удалось поступить в Якутский педагогический техникум, но вскоре по ложному обвинению его отчислили. Во время учебы он посещал творческий кружок при обществе «Саха омок», которым руководил известный литературный критик Василий Леонтьев. На одном из занятий он сравнил пьесы В. Никифорова и А. Софронова о Манчары. По его мнению, Кюлюмнюр в соответствии со своими либеральными взглядами должен был изобразить Манчары как благородного народного заступника, а не как разбойника. Алампа тоже, соблюдая логику жанра, излишне драматизировал образ народного героя. Когда студенты осторожно поинтересовались мнением своего руководителя о «Красном шамане» П. Ойунского, Василий Никанорович, дав высокую оценку драматической поэме, добавил, что ее автор не прямо выразил свою позицию, а использовал суггестивную поэтику и, в частности, создал образ inferнального героя.

В. Леонтьев считал, что современной бурной эпохе лучше других жанров соответствует драма, и что лучше других ее «может отразить писатель, выдвинутый этой самой эпохой» («Бу ытыллар олобу ол олох бэйэтэ үөскэтэн таһаарбыт эрэ киһитэ сатаан суруйар кыахтаах»). Что касается якутской литературы, то ей «нужны свои Грибоедовы, Островские, Чеховы». Кроме того, он посоветовал своему ученику читать Шекспира, изучать монологи его героев и попробовать самому написать пьесу [3, с. 436].

Василий рьяно взялся за дело и почти со скоростью Лопе де Вега написал драму «Дева-большевичка» («Кыһыл Кыыс»). Вспомнив слова своего наставника, который говорил, что «героев надо искать среди своих современников», он сделал прототипом

главной героини Марию Ордахову: «Чахчы, бу санаатагына сага үйэ дьахтарын тыыннаах уобараһа ити Марияҕа түмүллүбүккэ дылы эбит» [3, с. 436]. Пьеса получила одобрение Леонтьева и вскоре с успехом была поставлена в Клубе приказчиков.

Однажды Василий Оросин встретил Серафима Кривошапкина, с которым они подружились, находясь в отряде белых повстанцев. Он едва узнал своего друга, находившегося в плачевном состоянии. Серафим повел Василия в Гостиный двор, там они обнаружили компанию известных поэтов, в том числе А. Кулаковского, А. Софронова, читавших свои стихи. Өксөкүлээх предложил послушать молодых поэтов и обратился к А. Иванову-Кюндэ. Тот скромно заметил, что еще нигде не печатался, но все же прочитал свое стихотворение «Запах дымокура» («Кии сыта»).

Вообще специфической особенностью поэтики романа Куорсуннаах является стремление расширить культурологический контекст произведения, хотя иногда это выглядит несколько искусственно. Например, тот же Серафим Кривошапкин проникся искренним чувством к раненой Марии Ордаховой и решил нарисовать ее портрет, упомянув при этом, что не собирается конкурировать с ... Леонардо да Винчи: «Вася, эн билэбин дуо, мин худуоһунньукпун ээ. Ити Марияны, Леонардо да Винчи курдук да буолбатар, уруһуйдуом этэ». Василий называет его «странным человеком», «чудиком» и говорит, что «сейчас не время думать об искусстве» [3, с. 284- 287]. Или в другом эпизоде романа Митя, старший сын Оросиных, во время празднования ысыах, устроенного в честь его помолвки с Варей Неустроевой, стал рассказывать невесте о древнегреческом философе Диогене, представителе школы киников, который призывал к опрощению и проповедовал культ простого, естественного бытия.

Более удачно автор использует литературные аллюзии и реминисценции. Отношение к литературе, круг чтения служат в романе одним из принципов характеристики героя, в частности, Василия Оросина. Свою начитанность и самостоятельность суждений он проявляет во время дискуссии с Марией Ордаховой о романе Л. Толстого «Анна Каренина». Девушка демонстрирует большевистскую доктрину любви как «буржуазного пережитка» и заявляет, что «время героинь типа Анны Карениной и Эммы Бовари безвозвратно прошло». Василий, наоборот, признает право героини Л. Толстого на любовь и цитирует О. Бальзака («Любовь – единственная страсть, не признающая ни прошлого, ни будущего») и Р. Бернса («Любви не знавший дуралей достоин сожаленья»). Вдобавок он не без иронии называет Ордахову «непорочной девой Марией»: «Баҕар, эн аныгыга киирбэккэ эрэ орто дойдуга танараны төрөппүт дева Мария буолуон» [3, с. 246-247].

В другой раз, попав к прокаженным, пытаясь отвлечь их от боли и страданий, Василий поведал им историю героев романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы». Больной мальчик Афанас, увлеченный его рассказом, говорит своему брату: «Мин Түбүөлбүн, оттон эн Кабасимуода буол. Мин улааттахпына ол танара дьэитин хайаан даҕаны көрүөбүм уонна, баҕар, онно баран олохсуйуобум. Арааһа, онно биһиги курдук ыарыылаахтартан сиргэммэттэр быһыылаах. Эсимирээлдэ үгкүүлүүрүн көрбүт киһи баар ини» («Я буду Фебом, а ты Квазимодо... Когда вырасту, обязательно увижу этот собор, может, буду жить там, где не презирают таких больных, как мы... Хорошо бы увидеть, как танцует Эсмеральда») [3, с. 314-315].

Драматически сложилась и личная жизнь Василия Оросина. Сначала он искренне полюбил этицистски настроенную ярую революционерку Марию Ордахову и даже в одно время пользовался ее приязнью. Но идейные разногласия в конце концов привели их к расставанию, и ему осталось только посвятить ей несколько печальных строк:

*Барда, куотта,
Муус хопто буолан
Кылбайа уһунна.
Ытыам дуу,
Ыллыам дуу...*

Потом судьба свела его с Марией Харитоновой, с которой он сблизился во время подготовки спектакля по пьесе «Дева-большевичка». Они собирались пожениться, но камнем преткновения стали их арест и ссылка. Наконец, в роли его спасительницы выступает еще одна Мария, дочь батюшки Терентия, который однажды приютил его вместе с мальчиком Митей. Отец Терентий был духобором, и в Якутии он обрел вторую родину, но в годы «бури и пуль» был вынужден вместе с дочерью вернуться на историческую родину в центральную Россию. Там произошла новая встреча с Василием Оросиным, который, отбыв часть срока в Соловках, прибыл по этапу в Ярославль и попал в страшную аварию. Лежащего без сознания человека, похожего на якута, подбирает и выхаживает Мария. Предчувствуя беду, отец Терентий просит Василия позаботиться о дочери. Вскоре его дом ограбили и расправились с ним то ли белые, то ли красные. Как сложилась в романе дальнейшая судьба Василия Михайловича и Марии Терентьевны остается неизвестной. Это обстоятельство автор сама считает недостатком произведения [4].

Не менее драматичный характер имела жизненная стезя Романа и Петра Оросиных, сыновей Ивана Николаевича, старшего брата Михаила Николаевича Оросина. Оба они имели прекрасное образование и получили известность: первый – как политик и общественный деятель, второй – как писатель и участник повстанческого движения. Общие сведения о их жизни и деятельности приводятся в книге Е. Д. Андросова [1].

Роман Иванович Оросин был другом и соратником лидера национальной якутской интеллигенции В. В. Никифорова, вместе с ним состоял в числе организаторов демократического «Союза свободы» и партии «Якутский трудовой союз федералистов». Один из образованнейших людей своего времени, владевший несколькими иностранными языками, он активно сотрудничал в обществе «Саха аймах». В 1922 г. по обвинению в контрреволюционном заговоре был репрессирован. Умер во время ссылки в г. Томске. Его смерть оплакал А. И. Софронов в специальном стихотворении «А. У. О. ахтылҕана» («Тоска по Р. И. О.»):

*Олохтоох дойдугуттан уларыян
Одурууннаах олох муоратын
Оргуйар долгунугар оустаран,
Омук сиригэр уларыян
Омуһахха угуллубутун
Орускуотун эбитин ниһи...*

Одной из сквозных фабульных линий, проходящих через весь роман «Вселенская буря», является судьба Петра Оросина и Веры Давыдовой [2]. Их связывали не только родственные узы, но и с юных лет они питали друг к другу глубоко интимные чувства и намеревались создать семью. Это не могло не вызвать неприятие со стороны их родителей и родственников, придерживавшихся патриархальных взглядов, поэтому они вынуждены были отложить свои планы. К тому же Вере симпатизировал не только троюродный кузен, но и не кто иной, как известный ученый-лингвист Семен Новгородов. Но все же спустя несколько лет, весной 1925 г., Петр и Вера официально оформили свои отношения.

Петр Иванович Оросин был талантливым писателем, журналистом и переводчиком, ему принадлежали поэма «Картежник», рассказы «Лгун», «Шалуны», «Скачки». Писал под псевдонимами «Вольский», «Хайыкы», печатался в газете «Кыым», журналах «Чолбон», «Якутские зарницы». Его ценили как художника слова А. Кулаковский, А. Софронов, П. Ойунский. В годы гражданской войны командовал отрядом белых повстанцев. После амнистии стал членом переводческой комиссии, составителем учебных пособий, уполномоченным ЯЦИК. В 1927 г. примкнул к движению конфедералистов, был осужден и сослан в Соловецкий лагерь сроком на пять лет. После освобождения находился в ссылке в Иркутской области, умер в 1954 г. в Бодайбо. Полностью реабилитирован в 1991 г.

В романе нашли отражение реальные перипетии личной жизни и других известных личностей. В частности, сложные взаимоотношения Анемподиста Софронова и Евдокии Яковлевой переданы через восприятие Романа Оросина, с которым Алампа вместе учился в Ытык-Кюельской школе. Как и А. Кулаковский, он не одобрил выбор своего друга: «Алампажа холоотоххо Дуунньа билиитэ-көрүүтэ намыһажа, туохха даҕаны туолбат харахтаажа, айар үлэ алыбыгар ылларбыт уйан куттаах киһини бэйэтиттэн ордорон биэбэйдэһиэх быһыта көстүбэт этэ...» [3, с. 199].

Роман Оросин, хотя и косвенно, имел отношение и к семейной драме В. В. Никифорова, с которым близко сотрудничал во время работы во властных органах. Кюлюмнюр не находил понимания со стороны своей жены, придерживавшейся патриархальных взглядов. По версии В. Е. Васильева-Харысхала, он полюбил молодую образованную девушку Марию Николаеву, родственницу Оросиных, которая училась в Петербурге и была знакома с самой Анной Ахматовой. В драме Харысхала «Вознесение» («Бастын хатыыта», 2006) В. Никифоров признается своему другу П. Сокольникову о личной драме и просит у него совета, как поступить, может, оставить общественную стезю, жениться на Марии и заняться литературным творчеством. Но тот говорит, что у него иной удел – он должен нести свой крест дальше и взойти на Голгофу.

Кроме того, Роман Оросин оказывается поверенным в судьбе П. Ойунского, который сообщил ему о своей предстоящей женитьбе на Фекле Сокольниковой, но с горечью добавил, что она тяжело больна: «Илиитин көрдүү дойдубар тахсаары сылдыбын... Сулумах сылдыар ыарахан дьыала. Ол эрэри эмиэ да бу дьалхааннаах кэмнэ намчы сибэккини түөскэ кууһар хайдах эрэ. Ол тостуута туохтааҕар да аһыылаах буолара буолуо... Сүөкүлэ улаханлык ыалдыар ээ. Чэ, туох буолуой, таптыырым оччо» [3, с. 193]. К сожалению, предчувствие не обмануло поэта, через полгода совместной жизни в 1923 г. «божество его сердца» («мин ырам ымыыта») скончалась. П. Ойунский посвятил ей стихотворение «Другу Феклуше» («Доборбор Сүөкүччэҕэ»), а в 1924 г. перевел на якутский язык песню Маргариты «Что случилось со мною» из первой части «Фауста». Любовь в сознании героини Гете оказывается тесно связанной с мыслью о смерти. Какое-то смутное предчувствие заставляет ее думать одновременно о любви к Фаусту и о смерти. Перевод из трагедии Гете, по-видимому, был навеян образом покойной жены Ойунского. Не случайно поэт назвал его «Горечь утраты».

Реминисценция как художественный прием используется автором не только для передачи психологического состояния человека, но и как способ характеристики условий, в которых содержались заключенные ГУЛАГа. Так, начальник конвоя, сопроводивший репрессированных якутов до Соловков, заявил, что он исполняет роль Вергилия, проводника по девяти кругам Дантова ада, на вратах которого начертана грозная надпись: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». На этом оторванном от всего мира клочке земли балом правил воистину дьявол («Бу дойду... киһи моһуонуттан тахсан өһү эрэ өрө тутар чоххы бааччы Дьөлөрү Үтүгэн түгэҕэ») [3, с. 536]. Но якуты не смирились, и трое самых сильных и отважных «сумели-таки совершить немыслимый побег» [6, с. 109].

Якутская интеллигенция, образованная молодежь собиралась в домах купца I гильдии, мецената Г. В. Никифорова или богатого рыбопромышленника К. Д. Спиридонова. В одном из эпизодов романа на заимке последнего встретились писатель и ученый-тюрколог Гавриил Баишев-Алтан Сарын, известный критик Василий Леонтьев, поэты Алексей Кулаковский, Анемподист Софронов и Платон Слепцов, Роман, Петр и Дмитрий Оросины. Поэты стали читать свои стихи, потом по пути домой Платон с Романом заговорили о политике. Платон поделился своей тревогой: «Предстоят суровые испытания. Дело может дойти до прямых столкновений между нами» («Кыргыһы кытаатар буолла. Баҕар, бэйэ-бэйэбитигэр утарыта турар кэммит да кэлиэ») [3, с. 141].

В романе «Вселенская буря» получили отражение события не только общественно-политической, но и литературной жизни Якутии и России в первые десятилетия XX в.

Так, в 1913 г. В. В. Никифоров в составе якутской делегации принимал участие в Санкт-Петербурге в мероприятиях, посвященных 300-летию Дома Романовых. Именно там произошла встреча Василия Васильевича с Марией Николаевой, уроженкой Ботурусского улуса, выпускницей Якутской женской гимназии. По просьбе автора она перевела на русский язык его драму «Манчары». Сохранились воспоминания В. В. Никифорова о посещении знаменитого арт-кафе «Бродячая собака» и выступлении перед взыскательной публикой с чтением своей пьесы. Тогда же ему удалось добиться разрешения цензуры на ее постановку.

В романе Куорсуннаах эти эпизоды из воспоминаний В. В. Никифорова получили художественную интерпретацию. Кюлюмнюра привела в литературно-артистическое кабаре «Бродячая собака» Мария Николаева. Уже далеко за полночь в кафе медленно, как тень, «вплыла» Анна Андреевна Ахматова. Автор уподобила ее появление с «проникновением великой удаганки» («улуу удабан киирбитинии»). Все вскочили на ноги, стали почтительно кланяться, самые смелые целовали кончики ее пальцев: «Оо, она отличалась неопишуемой красотой... На ее бледном лице выделялись полные печальных дум глаза, в глубине которых пряталась неземная мудрость. Тонкий нос с горбинкой говорил о ее родовитом происхождении. Ее словно выточенная голова, высоко сидевшая на белоснежной лебединой шее, свидетельствовала о твердом характере» («Оо, кини киһи сатаан ойуулуу суобун курдук кэрэ этэ. Кубаҕай сирэйигэр диринник олобут, санныяр санаанан туолбут хараҕа бу дойдуга суох дирин муудараны кистиирэ. Кырылаах хонуруулаах мунна төрүт хаанын кэпсиирэ. Чочуллубут төбөтө куба манан моойугар үрдүктүк олооро холлубат чин санаатын туоһулуура...») [3, с. 123]. «Сейчас или никогда!», – воскликнула Мария, и они с Василием Васильевичем устремились к столику Ахматовой. Она сразу обратила внимание на их «необычную внешность» («ураты дүһүннээх дьону тута бэлиэтии көрдө») и усадила рядом с собой. «Вы меня помните, Анна Андреевна?», – заикаясь от волнения, спросила Мария. «Как же не помнить якутскую святую Марию. Что нового?», – в ответ спросила Ахматова. «Это известный представитель нашей якутской интеллигенции Василий Васильевич Никифоров-Кюлюмнюр. Он очень хочет познакомиться с Вами», – бойко заявила Мария. «Я очень рада, что среди моих друзей появился еще один достойный якут. Саха относятся к тюркской нации, в моих жилах тоже течет кровь этого великого народа, так что мы родственники», – сказала Анна Андреевна и протянула руку Никифорову [3, с. 124].

В ноябре 2016 г. представительная якутская делегация во главе со спикером парламента Якутии А. Н. Жирковым, будучи в Санкт-Петербурге, посетила возрожденный в 2001 г. литературно-артистический клуб «Бродячая собака», завсегдатаями которого были в свое время такие известные представители российской творческой интеллигенции, как А. Ахматова, Н. Гумилев, О. Мандельштам, И. Северянин, В. Маяковский, К. Станиславский, В. Немирович-Данченко, и передала в картинную галерею легендарного арт-клуба портрет В. В. Никифорова-Кюлюмнюра.

Наряду с собственно литературными реминисценциями, в арсенале автора представлены мифологические и библейские аллюзии. Например, для характеристики неистового большевика Кости Сокольников использовано выражение «взгляд Горгоны»: «Куоста Сокуонньукап чэкиистэр бэйэлэрэ даҕаны саллар, толлор киһилэрэ. Кини куһаҕаннык көрбүт киһитэ бөрүкүтэ суох дьылҕаланарын бары бэркэ билэллэр. Мээнэбэ «Глаз Горгоны» диэн ааттаабаттар» [3, с. 416-417]. Как известно, в древнегреческой мифологии Горгона Медуза – одна из трех сестер горгон, чудовище с женским лицом и змеями вместо волос, и взгляд на ее лицо обращал человека в камень. В романе же, наоборот, того, на кого Сокольников бросал «косой взгляд, ждал печальный удел».

В другом эпизоде романа, когда в дни Февральской революции произошло мирное низложение царской власти, в Якутске губернатор барон фон Тизенгаузен в знак лояльности к ЯКОБ (Якутский Комитет общественной безопасности) стал обниматься

и целоваться с его членами, политссылными Г. И. Петровским и Г. О. Охнянским, последний не без ядовитой иронии заявил: «Иуда уурааһына аһы да буолар эбит» («Поцелуй Иуды, оказывается, очень горький»). Он имел в виду знаменитую картину М. Караваджо, на которой была изображена сцена «Поцелуя Иуды», ученика Иисуса Христа. Само выражение «поцелуй Иуды» стало символом корыстного предательства.

Итак, значение романа Е. Слепцовой-Куорсуннаах, с одной стороны, заключается в том, что в нем нашли отражение трагические судьбы национальной интеллигенции. В этом отношении по своей проблематике «Вселенская буря» перекликается с драмами В. Васильева-Харысхала, которые тоже относятся к историко-документальной «жанровой генерализации». С другой стороны, изображение личностных взаимоотношений исторических персонажей, их настроений и переживаний свидетельствует о присутствии в романе черт психологической «жанровой генерализации». В этом отношении удачным представляется использование автором среди способов освоения художественного материала литературных аллюзий и реминисценций.

Л и т е р а т у р а

1. Андросов Е. Д. Оруоһуттар. Докумуоннарҕа, норуот сэхэннэригэр олоһурбут историческай эссе-сэхэн. – Дьокуускай: Бичик, 2000. – 288 с.
2. Бирэ Дабыйдап. Бүтүр Оруоһун-Хайыкы. Ахтыылар, ыстатыйалар, очеркалар, хоһооннор, кэпсээннэр. – Дьокуускай: Медиа-холдинг «Якутия», 2011. – 183 с.
3. Куорсуннаах. Аан талҕа: роман. – Дьокуускай: РИО медиа-холдинг, 2014. – 640 с.
4. Куорсуннаах: Инникини көрөр, кэскили саныыр дьоннордоох этибит... // Саха сирэ. – 2014. – Ахсынны 18 к.
5. Луков В. А. История литературы. Зарубежная литература от истоков до наших дней. – М.: Издат. центр «Академия», 2008. – 512 с.
6. Слепцова (Куорсуннаах) Е. В. На дне пропасти: Повесть. – М.: Б. С. Г. – Пресс, 2018. – 160 с.

References

1. Androsov E. D. Oruohuttar. Dokumuonnarga, noruot sehenneriger oloһurbut istoricheskaj esse-sehen. – D'okuuskaj: Bichik, 2000. – 288 s.
2. Biere Dabyydap. Бүтүр Оруоһун-Khajyky. Akhtyyalar, ystatyjalar, ocherkalar, khohoonnor, kepseenner. – D'okuuskaj: Media-holding «Yakutiya», 2011. – 183 s.
3. Kuorsunnaakh. Aan talҕa: roman. – D'okuuskaj: RIO media-holding, 2014. – 640 s.
4. Kuorsunnaakh: Innikini көрөр, keskili sanyyr d'onnordooх etibit... // Sakha sire. – 2014. – Akhsynn'y 18 k.
5. Lukov V. A. Istoriya literatury. Zarubezhnaya literatura ot istokov do nashikh dnei. – M.: Izdat. centr «Akademiya», 2008. – 512 s.
6. Sleptsova (Kuorsunnaakh) E. V. Na dne propasti: Povest'. – M.: B. S. G. – Press, 2018. – 160 s.

БУРТЦЕВ Анатолий Алексеевич – д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: anatoly_burtsev44@mail.ru

BURTSEV Anatoliy Alexeevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

БУРТЦЕВА Марина Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры восточных языков и страноведения Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова.

E-mail: donnarosa36912@mail.ru

BURTSEVA Marina Anatolievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Oriental Languages and Area Studies, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.